

Аверьянов К.А.
КОГДА ВОЗНИКЛИ ПИСЦОВЫЕ КНИГИ?

В науке нередко возникают парадоксальные ситуации, когда несколько поколений исследователей занимаются той или иной проблемой, но при этом проходят мимо, казалось бы, самых очевидных и простых вещей. Все это можно отнести к вопросу о времени возникновения писцовых книг. Несмотря на то, что их изучают на протяжении уже более полутора столетий, в центре внимания историков оказывались совершенно иные проблемы – степень достоверности писцового материала, методы составления писцовых книг, писцовое делопроизводство, характеристика землевладения по данным писцовых описаний и т.п. Вопрос о том – когда, и самое главное, почему возникли писцовые книги? – всегда оставался где-то в стороне. Между тем без его решения невозможно понять место писцовых книг среди других подобных массовых описаний: переписных книг, ревизий, материалов Генерального межевания, сельскохозяйственных переписей и т.п.

Когда же появился этот вид источников? Н.Ф. Демидова в соответствующей статье в «Советской исторической энциклопедии» по этому поводу пишет: «Писцовые книги – сводные документы хозяйственных описаний, систематически проводившихся в России в XV–XVII вв. Наиболее ранними из сохранившихся являются новгородские писцовые книги конца XV в. Регулярно начали составляться с XVI в., когда появился и сам термин» [3].

Схожей позиции придерживалась Е.И. Колычева, отмечавшая, что рубеж XV–XVI вв. явился важным этапом в истории Русского государства. Княжение Ивана III (1462–1504) стало переломным моментом в создании единого централизованного государства. В 1480 г. было окончательно ликвидировано татаро-монгольское иго. Уходила в прошлое былая феодальная раздробленность – в 1478 г. под власть Москвы переходят огромные земельные владения Великого Новгорода, в 1485 г. уничтожается независимость когда-то могущественного Тверского княжества. К началу XVI в. объединение всех русских земель вокруг Москвы было практически завершено. Формально независимыми оставались лишь Псков и Рязанское княжество, но и они уже со второй половины XV в. прочно вошли в орбиту московского влияния, а окончательно были присоединены уже при сыне Ивана III – Василии III. В этих условиях на первый план выходит необходимость проведения всеобщего «валового» описания земель – с одной стороны государству важно было знать всю совокупность доходов, на которую оно могло рассчитывать, с другой стороны требовалось выработать единый принцип обложения земель, поскольку уровень сбора доходов с определенного количества земли в одном районе мог резко отличаться от других. Все это привело к тому, что на рубеже XV–XVI вв., точнее: в 1497–1504 гг. проводится первое генеральное описание Русского государства. По ее данным, за этот период были описаны следующие уезды: Бежецкий, Белозерский, Владимирский, Вологодский, Галичский, Гороховецкий, Дмитровский, Каширский, Коломенский, Костромской, Можайский, Московский, Нижегородский, Переяславль-Залесский, Пошехонский, Ростовский, Радонежский, Суздальский, Угличский, Юрьев-Польский, Ярославский, Вятская земля, а также бывшие владения Новгорода Великого [6, с. 7–12].

Вместе с тем, исследовательница не ответила на вопрос: проводились ли подобные описания в более ранний период? – хотя и привела свидетельство того, что они существовали. Речь идет о духовной грамоте 1461/62 г. великого князя Василия Темного, который предусматривал: «А как почнут дети мои жити по своим оуделом, и моя княгини, и мой сынъ Иван, и мой сынъ Юрьи, и мои дети пошлют писцев, да оуделы свои писци их опишут по крестному целованью, да по тому письму и обложат по сохам и по людем, да по тому окладу моя княгини и мои дети и в выход оучнут давати сыну моему Ивану съ своих оуделов. А переменит Богъ Орду, и моя княгини и мои дети возмут дань себе съ своих оуделов, а сынъ мой Иванъ в то не вступается» [5, № 61, с. 197].

О том, что в середине XV в. выражения «писец», «письмо» не являлись чем-то новым, свидетельствует наблюдение А.Г. Авдеева, обратившего внимание на житие Паисия Галичского, в котором излагается содержание жалованной грамоты, выданной Паисию великим князем Василием Темным во время его пребывания в Москве, где находим упоминание писцовых книг [1, с. 14]. Термин «писцы» встречается и в докончании 1447 г. великого князя Василия Темного и князя Михаила Андреевича Верейского. Приведем из него отрывок: «А что мя еси, господине,

пожаловал, дал ми еси в вотчину и в вудел половину Заозерья, отчины заозерских князеи половина, и съ селы, и со всемь с темь, как было за отчичи за князми, да к тои половине придал ми еси, господине, ись своее половины того жо Заозерья сто деревень, а что, господине, Кубена на сеи стороне, и противу, господине, половины Кубены велети ти, господине, мне отписати Заозерских деревень по пригожу, вместо половины Кубены, ись своее половины, а отписати ти, господине, велети мне, своему брату, тое отчины своему писцю, а моему, господине, писцю быти с твоимь писцем, а отписати, господине, твоему писцю мне та сторона, которая пришла к моей отчине к Белуозеру... А коли, господине, князь велики, придет посоль татарской в Ярославль, и мне, господине, с тое отчины з Заозерья давати ярославским княземь в выход и во все пошлины, в ординские проторы, по старине, как давали заозерские князи ярославским княземь» [5, № 44, с. 128].

Таким образом, из названных источников со всей очевидностью вытекает то, что к середине XV в., судя по всему, традиция проведения писцами хозяйственных описаний насчитывала уже не одно десятилетие. Насколько далеко она уходила в глубь столетий? Определенные указания находим в одной из статей составленного около 1472 г. договора Ивана III с его братом – удельным князем Андреем Васильевичем Углицким: «А коли, господине, князь велики, пошлешь своих писцов... [здесь в источнике лагуна размером около шести букв, видимо надо: “с моими” – К.А.] Москвы писати и Московских станов, а мне, господине, послати своих писцов с твоими вместе, как было при нашем прадеде, и деде, и отцы нашом, великих князеи. А что наши данщики зберут, тому ити в твою казну, великого князя, а тебе, великому князю, давати та дань в выход. А с моего, господине, оудела имати ти оу меня выход по крестному целованью. А ци переменит бог Орду, коли будет с великого княженья выхода не дати, тогда и мне своего оудела не дати» [5, № 66, с. 215]. Прадедом Ивана III и Андрея Васильевича Углицкого, как известно, являлся Дмитрий Донской. Поскольку процитированная ссылка на старину в этом dokonчании восходит ко второй половине XIV в., можно предположить, что писцовые описания проводились по крайней мере уже с этого времени.

Что же послужило исходным толчком для их составления? Во всех процитированных выше источниках XV в. наше внимание привлекает важное обстоятельство – упоминания писцов идут в одном контексте с ордынским выходом. Любопытным представляется и другое – именно ко времени княжения Дмитрия Донского, к которому восходят наиболее ранние свидетельства о проведении писцовых описаний, относятся данные о раскладках денежных сумм, следовавших великому князю с отдельных волостей и уделов в счет дани, платившейся в Орду.

Так из договора от 25 марта 1389 г. между Дмитрием Донским и князем Владимиром Андреевичем Серпуховским узнаем, что последний должен был платить со своих владений 320 рублей в счет общей суммы ордынского выхода в 5000 рублей: «а ординская тягость, также и проторь, дати ти мне, брату своему старейшому и отцю, и сыну моему, князю Василью, съ своего оудела и со княгинина оудела Оульянина, съ твое трети, в пять тысяч руб. триста рубль и двадцать руб.» [5, № 11]. Из духовной грамоты князя Владимира Андреевича Серпуховского узнаем, что дань в 5000 рублей собиралась только с одного Московского княжества, а подобные раскладки сумм, платившихся в Орду, существовали и в других княжествах: «А коли выидет дань великого князя ко Орде в пять тысяч рублей, имется дани детем моим и княгини моеи и их уделом триста рублей и дватцать рублей, оприснь Городца и Углеча поля... а сын, князь Семен, князь Ярослав, возмут дани з Городца и з Городецких волостей в новгородской выход [т.е. Нижнего Новгорода – К.А.], в полторы тысячи рублей, возмут сто руб. и шестьдесят рублей» [5, № 17, с. 49].

Означает ли это то, что писцовые описания возникли вследствие необходимости уплаты дани в Орду? В литературе высказывались определенные соображения по этому поводу. В частности, исследователи обратили внимание на то, что, судя по сохранившимся писцовым описаниям, земля измерялась в сохах, которые являлись основной окладной единицей для государственных налогов и повинностей. Так, Е.И. Колычева указывала, что древнейшим упоминанием сохи в качестве окладной единицы принято считать приведенное В.Н. Татищевым известие об уплате в 1273 г. дани татарам. Великий князь Василий Ярославич доставил в Орду «дань урочную со всея земли по полугривне с сохи, а в сохе числиша по два мужи работники... И хан... рече: ясак мал есть, а люди многи в земле твоей, почто еси не от всех даеши? Князь же великий

отымался числом баскаков прежних. И хан повеле послати новы численники во всю землю Русскую» [9, с. 51; 6, с. 7].

В этом сообщении наше внимание привлекает термин «численники». В общерусских летописях он упоминается под 1255 г., когда вскоре после монголо-татарского нашествия власти Золотой Орды решили упорядочить сбор дани с покоренных русских земель и провели первую известную нам перепись податного населения: «Тое же зимы приехаша численици ис татар и сочтоша всю землю Рускую и поставиша десятиники и сотники, толико не чтоша игуменов и попов и чернцев, хто служит святымъ церквам. Се же все бысть на Русской земли грех ради наших» [7, с. 142–143].

Означает ли это то, что писцовые описания возникли в середине XIII в. и были связаны с выплатой ордынской дани? Можно было бы согласиться с этим казалось бы логичным выводом, если бы не одно обстоятельство.

Известно, что самой древней и наиболее архаичной формой управления княжеством являлась система полюдья: для сбора дани и других доходов, а также отправления правосудия князь объезжал подвластную территорию из года в год по одному и тому же пути, останавливаясь в заранее определенных пунктах, позднее получивших название станом (в смысле – остановка). Станом позднее стала называться и территория вокруг стоянки князя, с которой собирались дань и доходы. Места княжеских остановок иногда находились в каком-либо селе, но очень часто и вне селений, в зависимости от удобства для окрестных жителей и дальнейшего следования княжеской дружины. Княжеские объезды были приурочены, как правило, к большим церковным праздникам – Рождеству, Пасхе, Петрову дню. Эта система управления не была чисто русской особенностью: ее проявления видим и на западноевропейском материале. При больших размерах малонаселенных княжеств такие регулярные объезды были наиболее целесообразной формой управления, сбора дани, прокормления дружины, суда и управы.

Расцвет этой системы управления приходился на домонгольский период. Имеющиеся в нашем распоряжении грамоты XIV–XV вв. в чистом виде эту систему уже не застают, хотя продолжают фиксировать отдельные ее следы. Об этом говорит духовная грамота московского князя Ивана Красного середины XIV в., когда упоминает о праве князей «ставити коней по станом». К этому добавим упоминание в источниках «путных бояр», изначальной обязанностью которых, очевидно, являлся как раз объезд отдельных территорий, подвластных князю. Из нескольких жалованных грамот середины XV в. становится известным о существовании «проездного суда», когда виновных в тех или иных преступлениях князь судил не в своем стольном городе, а во время остановки на станах. Уставные грамоты XV в. сохранили некоторые черты этой системы управления. Судя по ним, одной из статей княжеских доходов были «кормы». Со времен древнейшей Русской Правды, уставные грамоты, перечисляя доходы в пользу князя, всегда указывают хлеб, мясо и др. вместе с сеном и овсом для лошадей. Это свидетельствует о том, что «кормы» были рассчитаны именно на разъезжающего человека.

Следует полагать, что еще до проведения полюдья князю заранее необходимо было знать какую сумму можно было собрать с той или иной подвластной ему территории. Это же нужно было и непосредственным плательщикам дани. Разумеется, порой у князей и их данщиков возникал соблазн взять больше установленного или просто грабежа того, что плохо лежит. Об этом, к примеру, свидетельствует известный рассказ Начальной летописи о сборе дани с древлян киевским князем Игорем и связанных с этим злоупотреблениях, кончившихся его гибелью, или сообщение под 1187 г. в Новгородской первой летописи о том, что новгородские сборщики дани были перебиты на Печоре, Югре и за Волоком [8, с. 19]. Но это были исключения. Князья предпочитали иметь стабильный и гарантированный доход. Если это так, то мы вправе допустить, что для определения размеров собираемой дани проводились соответствующие описания.

О том, что они существовали, свидетельствует единственная уцелевшая из всего множества подобных документов уставная грамота 1136 г. смоленского князя Ростислава Мстиславича. Она была составлена в связи с учреждением в Смоленске епископской кафедры, на содержание которой князь обязался выделить одну десятую дани, собираемой с местного населения. Именно благодаря этому обстоятельству эта грамота дошла до нас в списке позднейшего времени. Ее изложение идет по отдельным волостям и населенным пунктам: «А в Торопчи дани четьреста гривен, а епископу с того взяти 40 гривен. А в Жижци дани 130 гривен, а с того епископу взяти 13 гривен. А в Каспли 100 гривен, а ис того епископу взяти 10 гривен...» [4, с. 141–145].

Заранее установленные размеры сборов показывают, что для этого предварительно была проведена соответствующая их оценка. К сожалению, у нас нет данных – проводилась ли она специально назначенными писцами, либо же писец и данщик являлись одним и тем же лицом.

Что же служило критерием для установления размеров сумм, собиравшихся в пользу князя? Им являлось количество семей, проживавших на той или иной территории. Судить об этом можно по сохранившейся жалованной данной и тарханной грамоте 1371 г. великого рязанского князя Олега Ивановича Ольгову монастырю на село Аристовское. Для нас важен имеющийся в ней пересказ прежних грамот: «А возрев есмь въ давнии грамоты съ отцемь своимь съ владыкою с Васильемь и съ бояры, коли ставили по первых прадеди наши святую Богородицю, князь великий Инъгварь, князь Олег, князь Юрьи, а с ними боярь 300, а мужи 600, тогда дали святой Богородици дому 9 земель бортных, а 5 погостов: Песочна, а в ней 300 семии, Холохолна, а в ней полторасти семи, Заячины, а в ней 200 семии, Веприя 200 семии, Заячков 100 и 60 семии; а си вси погосты съ землями с бортными и с поземом, и с озеры, и с бобры, и с перевесьиши, с резанками, и с шестьюдесят, и с винями, и с поличным, и со всеми пошлинами» [2, т. 3, № 322, с. 351]. Самым важным для нас является то, что «старина» этого свидетельства восходит ко времени до нашествия Батыя, поскольку упоминаемые в нем рязанские князья Ингварь (ум. 1252) и его братья Олег (ум. 1258), Юрий (ум. 1237) жили именно в эту эпоху, а основание ими церкви Богородицы относится к 20–30-м годам XIII в.

Как долго число семей являлось главным объектом обложения? Когда произошла его замена на количество земли? На этот счет можно высказать лишь общие соображения. Судя по тому, что в духовных и договорных грамотах московских князей рубежа XIV–XV вв. указываются суммы дани, следующие с той или иной волости или удела, следует полагать, что главным критерием для определения размеров доходов, собиравшихся в пользу князя, по-прежнему служило число семей. По многочисленным свидетельствам источников, XV в. стал временем интенсивной распашки пахотных земель на Руси. В условиях существования больших патриархальных семей каждая из них стала обрабатывать больше пространства, а следовательно, получать больше доходов. Разумеется, это не могло укрыться от княжеской власти, и данное обстоятельство в итоге привело к тому, что в основу налогообложения вместо прежнего был положен новый принцип – по величине обрабатываемой площади. С большой долей уверенности можно предположить, что этот переход произошел в княжение Ивана III. Завещание его отца Василия Темного 1461/62 г. еще предусматривало обложение «по сохам и по людем», а в первых дошедших до нас писцовых описаниях рубежа XV–XVI вв. мы уже видим принцип обложения по земле.

1. Авдеев, А. Г. Галичская земля в XII – XV вв. (по житию преподобного Паисия Галичского) : автореферат канд. ист. наук / А.Г. Авдеев. – М., 2001.

2. Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV – начала XVI в. – М. : Издательство АН СССР, 1852–1964. – Т. 1–3.

3. Демидова, Н. Ф. Писцовые книги / Н. Ф. Демидова // Советская историческая энциклопедия. – М., 1968. – Т. 11. – Стб. 167.

4. Древнерусские княжеские уставы XI – XV вв. – М. : Наука, 1976. – 240 с.

5. Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV – XVI вв. – М. ; Л. : Издательство АН СССР, 1950. – 585 с.

6. Колычева, Е. И. Аграрный строй России XVI века. / Е. И. Колычева. – М. : Наука, 1987. – 233 с.

7. Московский летописный свод конца XV века. – М. ; Л. : Изд-во Академии наук СССР, 1949. – Т. XXV. – 464 с. – (Полное собрание русских летописей. Т. 25).

8. Новгородские летописи – СПб., 1841. – 308 с. – (Полное собрание русских летописей ; т. 3).

9. Татищев, В. Н. История Российская / В. Н. Татищев. – М.; Л., 1965. – Т. V. – 343 с.

Святец Ю.А.

ПРИМЕНЕНИЕ МЕТОДОВ ИСТОРИЧЕСКОЙ ХРОНОЛОГИИ И ДАННЫХ ГЕНЕАЛОГИИ ДЛЯ ДАТИРОВКИ ИСТОЧНИКОВ (НА ПРИМЕРЕ СЕДЬМОЙ КНИГИ РУСЬСКОЙ МЕТРИКИ)

Комплекс актов (свыше 3,5 тыс. документов) Русьской (Волынской) метрики (далее – РМ) является мощной информационной базой для выяснения различных аспектов целого столетия украинской истории (1569–1673). Книги метрики, с одной стороны, стали вместилищем фактических данных из жизни людей, бывших действующими лицами событий на просторах Волынского, Киевского, Браสลавского, Черниговского воеводств, а, с другой стороны, – ценными артефактами, дающими представление об интеллектуальном и технологическом уровнях развития общества. На информационную ценность книг РМ обратил внимание еще в советский период